

ской из Свенского монастыря 1288 г. (ГТГ, № 12723), связываемой преданием с Киевом.

Трактовка одежд на памятнике в Киевце тоже восходит к образам, связанным с Киевской Русью. Исполнение фелони и подризника мягкими полутонами с плавными переходами от света к тени повторяет такую же, но более совершенную технику исполнения тканей, облегающих фигуру архангела Гавриила на иконе так называемого Устюжного Благовещения.⁴⁴ О предлагаемой ранней дате говорит также передача драгоценных камней на омофоре и крышке книги в виде крупных разноцветных однотонных кружков.

Однако, помимо установления домонгольских истоков рассматриваемого произведения, существенно было бы сблизить его с произведениями XIII в.

Но немногие уцелевшие образцы станкового искусства этого времени очень разнородны, а датировка большей их части не вполне достоверна и систематически обоснована. Поэтому для включения в этот круг нового произведения приходится прибегнуть к старинному «палеографическому» методу, широко практиковавшемуся среди знатоков — собирателей икон. Одним из признаков, служивших им для определения даты памятника, являлась форма евангелия.

На иконе из Киевца обрез книги представлен только сбоку, в виде красной полосы слева от крышки. Этот прием чрезвычайно архаичен и свидетельствует о глубокой древности. Его мы встречаем на энкаустической иконе Спаса в монастыре св. Екатерины на Синае, относящейся, по нашему мнению, к X—XI вв.⁴⁵ Такая же книга написана художником фресок Киевской Софии XI в. у святителя в рост на столбе крещальни:⁴⁶ еще более существенно, что этот ракурс евангелия мы встречаем на упомянутой выше иконе XIII—XIV вв., изображающей Николу Зарайского и апостола Филиппа (ГТГ, № ДР71), а также на иконе этого названия из бывшего собрания И. С. Остроухова (ГТГ, № 12004), относящейся к раннему XIV в.⁴⁷

Также важен, казалось бы, совсем уже мелкий признак — изображение полулуния под крестом, венчающим храм на клейме «спасения киевского отрочати» нашей иконы. Левкас, наложенный на фоны в XVI в., искажил первоначальную форму главы этого замечательного сооружения, превратив ее в свойственную этой эпохе луковицу, но, к счастью, сохранил древнюю деталь формы креста.

В. В. Стасов отмечает такую форму креста в Византии по миниатюрам ее рукописей.⁴⁸ До нашего времени дошел такой крест на Дмитриевском соборе во Владимире.⁴⁹ В русских миниатюрах он встречается уже

⁴⁴ Вспомним, что на иконе XIII—XIV вв. Николы и Апостола Филиппа, вывезенной Н. Е. Мневой из Обонежья (ГТГ, № ДР71), одежды Николы написаны так же.

⁴⁵ Памятники Синая, вып. I. Л., 1925, табл. 17, текст, стр. 16—27. Н. П. Кондаков относит ее к VIII—IX столетиям, но после недавних открытий в Константинопольской Софии, правильнее считать эту икону относящейся к более позднему времени.

⁴⁶ Это изображение раскрыто Е. А. Домбровской в 1948 г. (см. ее доклад в Институте истории искусств АН СССР 20 II 1949).

⁴⁷ Этот же прием мы встречаем как своеобразный анахронизм или, быть может, как умышленную архаизацию на следующих, более поздних памятниках: 1) деусус из Твери, XV в. (ГТГ, № 12124); 2) Псковский деусус, на среднике со Спасом, XV в. (ГТГ, № 12867); 3) Никола Зарайский, начало XVI в. (ГТГ, № 13489); 4) Никола Бабаевский, XVI в. (ГТГ, № 24872). Приведенные памятники либо происходят из областей, где живопись в это время имела архаизирующие тенденции, либо воспроизводят Николу, восходя к древнему образцу.

⁴⁸ Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских, изд. ОЛДП, вып. СХХ, 102 стр. 62—63 и 73—74

⁴⁹ С. Строганов. Дмитриевский собор во Владимире. М., 1849, стр. 7, табл. II.